

К актуализации истории зеленого мировоззрения и трансформации лесохозяйственной парадигмы: от строительных и энергетических ресурсов к геоэкологическим и рекреационным консерватам: вклад Григория Кондратьевича Шарова (1871-1943)

©В. В. Литовский

Институт экономики Уральского отделения Российской академии наук,
Екатеринбург, Российская Федерация
e-mail: VLitovskiy1@yandex.ru

Аннотация. В статье в региональном аспекте исследована история зарождения зеленого мировоззрения и трансформации отечественной лесохозяйственной парадигмы и как важнейшего инструмента мобилизации естественных производительных сил страны для социальнозначимых преобразований. Показано как менялся статус лесов в геополитической и хозяйственной доктрине страны, ее природоресурсном комплексе на протяжении трех последних столетий. На примере изучения деятельности и наследия выдающегося уральского лесничего Г.К. Шарова (1871-1943) и раритетных архивных материалов восстановлена малоизученная ныне история лесоразведения на лесостепных территориях Оренбургского казачьего войска, показана также роль Г.К. Шарова в озеленении Свердловска, изучен статус лесничих в до- и послереволюционный период, их положение в периоды резких социальных перемен, вклад в формирование экологического мировоззрения, создание рекреационных консерватов.

Ключевые слова: история естествознания, лесные ресурсы, лесоведение, Урал, трансформация хозяйственной парадигмы, Г.К. Шаров, новое мировоззрение.

Благодарности: Статья подготовлена в соответствии с планом НИР Института экономики УрО РАН на 2021-2023 гг. (код научной темы ГР № 0404-2019-0015, номер ЕГИСУ НИОКТР – АААА-А19-119011490151-1)

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Литовский В. В. К актуализации истории зеленого мировоззрения и трансформации лесохозяйственной парадигмы: от строительных и энергетических ресурсов к геоэкологическим и рекреационным консерватам: вклад Григория Кондратьевича Шарова (1871-1943) // *История и современное мировоззрение*. 2021. Т. 3. №2. С. 116-129. DOI: 10.33693/2658-4654-2021-3-2-116-129

TO UPDATE THE HISTORY OF THE GREEN WORLDVIEW AND TRANSFORMATION OF THE FOREST PARADIGM: FROM CONSTRUCTION AND ENERGY RESOURCES TO GEOECOLOGICAL AND RECREATIONAL CONSERVATIONS: CONTRIBUTION BY GRIGORY KONDRATEVICH SHAROV (1871-1943)

©V. V. Litovskiy

Institute of Economics of the Ural Branch Russian of the Russian Academy of Sciences,
Yekaterinburg, Russian Federation
e-mail: VLitovskiy1@yandex.ru

Abstract. The article examines, in a regional aspect, the history of the emergence of a green worldview and the transformation of the domestic forestry paradigm, as the most important tool for mobilizing the country's natural productive forces, for socially significant transformations. It shows how the status of forests has changed in the geopolitical and economic doctrine of the country, its natural resource complex over the past three centuries. On the example of studying the activities and heritage of the outstanding Ural forester G.K. Sharov (1871-1943) and rare archive materials, the now little-studied history of afforestation in the forest-steppe territories of the Orenburg Cossack army is restored, its role in the landscaping of Sverdlovsk is also shown, the status is studied foresters in the pre- and post-revolutionary period, their position in periods of sharp social changes and contribution to the formation of an ecological worldview, the creation of recreational preserves.

Key words: history of natural science, forest resources, forestry, Ural, transformation of the economic paradigm, G.K. Sharov, a green worldview.

FOR CITATION: Litovskiy V. V. TO UPDATE THE HISTORY OF THE GREEN WORLDVIEW AND TRANSFORMATION OF THE FOREST PARADIGM: FROM CONSTRUCTION AND ENERGY RESOURCES TO GEOECOLOGICAL AND RECREATIONAL CONSERVATIONS: CONTRIBUTION BY GRIGORY KONDRATEVICH SHAROV (1871-1943) // *HISTORY AND MODERN PERSPECTIVES*. 2021. Vol. 3. №2. P. 116-129. (in Russ.) DOI: 10.33693/2658-4654-2021-3-2-116-129

Согласно выдающемуся российскому лесоведу Г.Ф. Морозову: «Лес или часть его, лесное насаждение, есть некое социальное единство – есть реальная совокупность, есть биоценоз, есть, наконец, ландшафт» [Сукачев, 1949]. Действительно, являясь важнейшим компонентом геоландшафта, леса зачастую предопределяли не только хозяйственную парадигму того или района, жизненный уклад и уровень материального достатка населения, но и его защищенность, эталон экологического комфорта, степень привязанности к месту и его масштаб – географию этноса [Гумилев, 1990]. Вместе с тем они во многом предопределяли образ жизни – культурный код этноса и, если угодно, его биосферный статус [Гумилев, 2003]. Соответственно, потребность в предупреждении изменения природных рубежей и тем самым безопасности и благополучия социумов, особенно с первич-

ным хозяйственным укладом, на местах в регионах была понята задолго до того, как это нашло отражение в исследованиях ученых, начавших предпринимать усилия по повышению эффективности использования естественных производительных сил России.

Так, от первых ограничительных мер в XV в. по лесопользованию для сохранения объемов деревянного строительства, бортничества и надежности засечных линий, когда явно обозначились издержки лесопользования вдоль берегов рек и вокруг населенных пунктов, а также в связи с потребностью более широкого использования леса для судостроения и заводских нужд, в XVIII в. начинают приниматься меры не только по контролю и учету лесов, но и по подготовке соответствующих специалистов. Примечательно, что в России такая подготовка начинается в заведениях

геодезического и морского профиля (исходно в Московской школе математических и навигационных наук (1701), а затем в Петербургской Академии морской гвардии (1715) и Морском Шляхетском кадетском корпусе (1752), где готовились не только военные, но и первые офицеры-таксаторы или оценщики корабельных лесов – вальдмейстеры (чин, эквивалентный майору). Обусловлено это было тем, что поставленная Петром I цель превращения России в морскую державу предполагала создание военно-промышленного комплекса с соподчинением хозяйства задачам построения флота. Так, все леса Империи по «Инструкции обер-вальдмейстеру» от 19 июля 1722 г. подчинялись Адмиралтейств-коллегии и, в частности, состоящему при ней обер-вальдмейстеру с вверенной ему канцелярией. Именно отсюда для местного заведования заповедными лесами стали назначаться вальдмейстеры из выпускников вышеуказанных заведений. В этом контексте стремление Петра I использовать передовой для того времени голландский опыт с доктриной повсеместной канализации страны для улучшения ее транспортной связности привело к тому, что даже глубоко континентальный Екатеринбург доктринально был задуман как «порт пяти морей» с потенциальным выходом судов через Чусовую и Исеть на акватории Карского, Белого, Каспийского, Азовского и Черного моря.

Соответственно, уже в первых инструкциях уральского горного руководства отзвуки этой директивы можно найти в наказах геодезистам по нанесению на карты корабельных лесов и зон ограничения вырубки леса [Татищев, 1950; Геннин, 1995].

Несмотря на то, что лес был «потерпевшим» всегда, особо неблагоприятное воздействие на его состояние оказала политика Екатерины II, которая, предоставив свободы дворянству, фактически в бесконтрольное пользование отдала ему и поместные леса. Возвратная тенденция обозначилась с воцарением Павла I, издавшим в 1798 г. указ «о составлении при Интендантской экспедиции Адмиралтейств-коллегии особого департамента для лесной части» – Лесного департамента, возглавленного адмиралом О. М. Дерибасом (1749-1800). В его ведение тогда перешли все леса, кроме помещичьих. Он тотчас же для описания дубовых, сосновых и других заповедных (корабельных) лесов, отправил во все концы Российской империи морских офицеров, а на Урале попытался реанимировать концепцию создания каналов и транспортную парадигму речного судоходства, предложив создать там связную систему каналов со шлюзами на Исети-Чусовой. Собственно, это время принято ныне считать началом учета лесов всей России. *Важной особенностью статуса главных региональных лесничих (обер-форстмейстеров) было то, что они подчинялись непосредственно департаменту и были независимы от губернаторов, которым вменялось оказывать им «всякое начальственное пособие».* Не удивительно, что дом главного лесничего Уральских казенных заводов в Екатеринбурге соседствовал с домом начальника горных заводов.

При Александре I (в период 1802 по 1811 гг.) Лесной департамент был передан в ведении Министерства финансов, а с 1811 по 1837 гг. и вовсе был трансформирован в лесную часть Департамента государственных имуществ Министерства финансов. В 1826 г. министр финансов Е.Ф. Канкрин переименовал обер-форстмейстеров в губернских лесничих, а форстмейстеров в окружных лесничих. Тем не менее, се-

рьзные сдвиги в становлении лесного хозяйства начались с организацией в 1839 г. министром государственных имуществ графом П.Д. Киселевым (1788-1872) Корпуса лесничих и с введением обязательного кадастра для частновладельческих лесов, что повлекло их межевание, эпохальное появление на Урале «французских инженер-топографов» Бержье и Аллори, наведение должного порядка в учете леса. Согласно утвержденному тогда же «Положению о Корпусе лесничих», тот должен был формироваться из высокообразованных специалистов – воспитанников лесной роты Лесного и межевого института (Петербургский лесной институт) с должным социальным статусом. Все казенные лесные дачи преобразовывались в лесничества, иерархия которых соответствовала административно-территориальному делению: губерниям, округам, уездам и т.д. Именно Киселев как чиновник обратил внимание на важность степного лесоразведения и обеспечения древесиной заселявшейся степи. С 1845 г. им было значительно увеличено число лесных служащих, которым, помимо денежного оклада, отводились сообразно их статусу в иерархии и земельные наделы: окружным лесничим от 30 до 60 десятин (от 33 до 66 га), младшим лесничим 20-40 десятин (22-44 га), подлесничим – 15-30 десятин (16,5-33 га), лесному объездчику – 3-8 десятин (3,3-8,7 га), наконец, лесному сторожу (леснику) – 1-5 десятин (1,1-5,4 га). К тому же они наделялись полномочиями по привлечению ревизских душ для необходимых лесоустроительных работ, а местным лесничим в помощь выделялись также один или два помощника (кондуктора) из выпускников низших лесных школ [Тихонов, 2017].

Последующая история горнозаводского лесного хозяйства на Урале описана достаточно хорошо [Чернов, 1997, 2001]. Куда менее она известна (несмотря на знаменитые труды КЕПС¹) в аспекте комплексного формирования хозяйства и более широкого использования потенциала региональных естественных производительных сил, особенно, когда речь идет не об академических, а о прикладных региональных исследованиях. В нашей статье на примере деятельности мало упоминаемого ныне лесоведа Григория Кондратьевича Шарова (1871-1943) рассмотрим, как происходило изменение парадигмы лесопользования и деятельности региональных лесоведов, их судеб в эпоху крутых социальных переломов на рубеже XIX-XX вв., что актуально и для нынешней очередной переломной эпохи.

Начало деятельности Григория Кондратьевича Шарова как лесничего пришлось на тот период, когда в отечественном лесоведении уже были сделаны важные шаги как в научной постановке первичных хозяйственных задач по лесосбережению [Посошков, 1937], в экспериментальном «пилотном» лесоразведении и адаптации культурных пород [Нартов, 1765; Болотов, 1952; Рычков, 1767: Ч. 6-7; Лаксман, 1769], так и в части выработки пробных экспериментальных и теоретических подходов к лесоразведению в проблемных горнозаводских, лесостепных и степных зонах.

Ко времени вхождения Г.К. Шарова в профессию в горнозаводской части Урала (Екатеринбургском округе) лесонасаждение активно велось с 1818 г., а в Златоустовском окру-

¹ Комиссия по изучению естественных производительных сил России (КЕПС), как известно, была основана при Академии наук во время Первой мировой войны (1915 г.) и имела в качестве приоритетной задачу мобилизации ресурсов, а не изучения биосферного и рекреационного потенциала лесов – В.Л.

ге – с 1831 г. Широкомасштабные работы по устройству лесов на Урале развернулись после выхода инструкции Е.Ф. Канкрин (1830) о так называемом равномерном и постоянном лесопользовании путем разделения лесов на лесосеки. Леса казачьих войск даже с упразднением в 1859 г. Департамента корабельных лесов и с переводом всех казенных лесов под юрисдикцию Лесного ведомства остались под управлением Военного ведомства. Именно в таком статусе на Урале оказались леса Оренбургского казачьего войска. Тем не менее и в этой части был накоплен положительный опыт в создании первых лесных защитных и ветроломных полос [Ломиковский², 1837], островковых лесных оазисов (В.Е. фон Графф³, 1843-1865 гг.), в оптимизации ленточных лесонасаждений по водоразделам (сыртам) в юго-восточных степных регионах, включая Оренбуржье (1862) [Н.К. Генко⁴, 1886; 1896].

В смежных же науках была налажена и поставлена на широкую основу система агроклиматического мониторинга [Каразин, 1910; Купфер⁵, 1850-1865, Рыкачев, 1899], начато изучение влияния растительности на количество выпадающих осадков и распределение населения [Воейков, 1884, 1889, 1906], сделаны важные шаги к теоретическому пониманию возможного лесопродвижения в степную зону России в связи с распространением черноземов [Докучаев, 1883, 1899]. Наконец, учеником В.В. Докучаева, проводившим свои исследования в Великоанадольском опытном лесохозяйстве, выдающимся отечественным почвоведом Георгием Николаевичем Высоцким к тому времени была разработана агроклиматическая классификация почв, позволившая установить причины безлесья степей по критерию сухости и влажности климата.

Что касается проблем искусственного лесовосстановления на Среднем Урале, то наряду с деятельностью главных лесничих Уральских горных заводов Ивана Ивановича Шульца (1838-1857 гг.), Н.Г. Мальгина (1857-1874 гг.) и В.Н. Милова (1874-1896 гг.) следует отметить большую заслугу Федора Александровича Теплоухова (1845-1905) с 1870-х гг., занимавшегося лесовосстановлением во владениях Строга-

новых и фактически поставившего там это дело на современную основу. Так, итогом его деятельности на Урале стало заложение лесопитомников в Билимбаевском и Очерском округах владений Строгановых, построение шишко-сушилок, освоение и внедрение основных приемов лесокультурного производства [Чернов, 2001; 2003].

Наконец, к моменту вступления в профессиональную лесную деятельность Г.К. Шарова «отцом русского лесоводства» и «дедушкой русского леса», Федором Карловичем Арнольдом были созданы обобщающие труды по русскому лесу и данное понятие обрело прочное научное обоснование [Арнольд, 1890].

Г.К. ШАРОВ И ЕГО ВКЛАД В РЕГИОНАЛЬНОЕ ЛЕСОВЕДЕНИЕ

Григорий Кондратьевич Шаров (рис. 1.) родился в семье служащих (как писал он сам в своей автобиографии 1938 г.⁶) [Шаров, 1938] 24 января 1871 г. в селе Аркадак Балашовского уезда Саратовской губернии (ныне районном городе Саратовской области), расположенном чуть ли не в четверти тысячи км к западу от Саратова на восточной окраине Окско-Донской равнины и реке Большой Аркадак.

Уездный г. Балашов на р. Хопер, Саратовская губерния

Саратовская семинария, где учился Г.К. Шаров

² Василий Яковлевич Ломиковский (1777-1848), поселившийся в 1809 г. на хуторе Труднолюб Миргородского уезда Полтавской губернии и приступивший там к обширным работам по разведению лесных и садовых деревьев с элементами агролесомелиоративного устройства земель имения и первыми в истории России ветроломными защитными полосами, как передовой и рачительный сельский хозяин послужил примером образцового положительного помещика Костанжогло во втором томе «Мертвых душ» Н.В. Гоголя.

³ В.Е. фон Граффом в 1843-1865 гг. в сухой безводной степи был создан уникальный Великоанадольский опытный полигон (ныне Волновихский район Донецкой области) по испытанию и адаптации деревьев и кустарников для лесоразведения в степной зоне России, ставший в последующем одним из ключевых в отечественной сельскохозяйственной и лесной науке.

⁴ Под руководством Нестора Карловича Генко (1839-1904) в приволжских и оренбургских степях высаживались полосы шириной 400-600 м. В итоге, благодаря его стараниям, в суровых условиях юга и юго-востока России в степях с резко континентальным климатом было создано свыше 180 тысяч гектаров уникальных искусственных насаждений.

⁵ В контексте исследования отмечу, что А.Я. Купфер по просьбе В.Е. фон-Граффа не только помог ему с метеорологическими инструментами для организации наблюдений, но в 1847 г. организовал специализированную Великоанадольскую обсерваторию, где наряду со сбором метеоданных (сведениями об осадках, силе ветра, влажности почв) велись также очень важные для лесной науки фенологические наблюдения над культурами и степной растительностью. Для должного качества таких наблюдений был обучен и направлен в помощь В.Е. фон-Граффу выпускник Лисинского егерского училища В. Г. Григорьев.

⁶ Выражаю глубокую благодарность Е.Н. Еремеевой и Е.С. Любавиной – внучке и правнучке Г.К. Шарова за возможность ознакомиться с материалами семейного архива. Часть изложенного приводится на основе устных рассказов О.Г. и М.Г. Шаровых, услышанных автором непосредственно от них.

Рис.1. Шаров Григорий Кондратьевич, 1890 гт.

Там он окончил начальную сельскую школу, после чего продолжил свое образование в уездном городском училище в Балашове, где проучился три года. В географическом аспекте Балашовский уезд был примечателен тем, что, занимая западную часть Саратовской губернии, граничил с землями войска Донского, Тамбовской и Воронежской губерний. Через уезд протекает река Хопер, по которой в годы юности Г.К. Шарова сплавливали (в том числе и из Аркадака) хлеб и лес. Казалось бы, профессиональная стезя была predetermined, но после уездного училища отец помимо воли отдал сына в Саратовскую семинарию⁷, где тот проучился три года вместо положенных шести и был удален оттуда как якобы «неподходящий под комплект семинаристов». Таков был, судя по всему, комментарий ректора училища на выданной бывшему семинаристу справке.

В качестве ключевой причины своего исключения из семинарии сам Григорий Кондратьевич называл следующую. «Приходясь по матери родственником Н.Г. Чернышевскому и будучи его сторонником, я был в опале у начальства и части учителей (1889 г.)⁸. Документ из училища был выдан такой, что продолжать обучение в другом месте надежды оставалось мало. Все мои попытки поступить в течение

следующих 4-х лет в какое-либо учебное заведение оканчивались полной неудачей. Скитания мои из одного города в другой с целью поступления в какое-либо учебное заведение кроме издевательств надо мной и унижения ничего не дали, заявления иногда принимали, а от держания экзамена отказывали» (см. Автобиография, л.1).

Лишь в 1893 г. Г.К. Шарову удалось устроиться учителем в Михайловской сельской школе Астраханской губернии (с окладом 15 рублей в месяц). Это село на левом берегу реки Ахтубы в 42 километрах к северо-западу от райцентра Харабали, исходно возникшее в 1770 г. как станица Михайловская на землях, арендованных у калмыцкого князька, в Волго-Ахтубинской пойме переселенцами Воронежской губернии. Село имело церковно-приходскую школу, которая лишь в 1939 г. из начальной четырехлетней стала семилетней, что наглядно свидетельствует о том: какую карьеру это сулило молодому человеку.

В Михайловской Григорий Кондратьевич проработал два года, «не теряя надежды подготовиться и поступить в какое-нибудь учебное заведение для получения специальности». Скучные средства и другие лишения стали, по его словам, причиной хронического воспаления легких, что заставило его бросить учительство. Та же хроническая болезнь избавила его и от призыва на военную службу.

В лесную отрасль хозяйства Г.К. Шаров попадает в 1895 г., благодаря брату, работавшему в Брянском отделении лесного хозяйства Орловской губернии. В частности, он изначально устраивается практикантом на лесные работы в Задесенское лесничество Трубчевского уезда, где ныне расположен знаменитый заповедник «Брянский лес». Г.К. Шаров решил во чтобы то ни стало получить должное лесное образование. Вскоре ему это удастся, и он поступает в образовательное на тот момент Великоанодольское лесное училище (ныне Великоанодольский лесной техникум в городе Донецке), связанное с передовой наукой.

К тому времени лесничим и заведующим лесной школой Хреновского лесничества Воронежской губернии Николаем Дмитриевичем Суходским (1854-1918) уже был решен вопрос о культуре сосны для выращивания на песках в засушливом климате и эти знания, полученные у Суходского, благодаря Г. Ф. Морозову, внедрялись в практику и Великоанодольском.

⁷ Большинство воспитанников семинарии были детьми сельского духовенства, нередко происходили из семей бедных диаконов или псаломщиков, а потому приезжали в епархиальный центр на учебу нередко без гроша в кармане. Соответственно, важным событием для ее учащихся стало создание в 1899 г. Общества вспомоществования.

⁸ Известно, что Н.Г. Чернышевский три года отучился в Саратовской духовной семинарии, поступив в туда в 1843 и бросив ее в 1846 г., когда поступил в Петербургский университет. К описываемому времени (1889) после 20-летнего пребывания на каторге и ссылки в Сибири, а затем разрешенного пятилетнего поселения в Астрахани в июне 1889 он возвращается в Саратов, где в 17 (29) октября 1889 г. скоропостижно умирает от кровоизлияния в мозг. Нет сомнения, что как родственник Г.К. Шаров участвовал в похоронах Николая Гавриловича 20 октября (1 ноября по н. с.) 1889 г. на Воскресенском кладбище г. Саратова, и, возможно, попал под пристальное внимание не только руководства училища, но и органов надзора.

Рис.2. Великоанадольский музей леса
(здание, построенное в 1852 г. по указу Николая I),
где находилась обсерватория, а затем жили учащиеся

Замечательно оно оказалось тем, что при нем знаменитым лесоводом Виктором Егоровичем фон Граффом, как уже указывалось выше, в 1843 г. был создан первый на территории бывшей Российской империи лесной массив в сухой степи для защиты прилегающих сельскохозяйственных земель от засух и пыльных бурь.

Дело в том, что с организацией в России в 1830-1840-е гг. системы гидрометслужбы (1834) было замечено, что с севера достаточно часто в Прикаспийскую низину, а далее через калмыцкие, донские, донецкие и таврические степи прорывается мощный поток воздушных масс, который климатолог А.И. Воейков назвал великой «ветряной рекой». Начинается эта «река» над Карским морем, проходит вдоль азиатского склона Уральского хребта, а затем вливается в Прикаспийскую низину и через калмыцкие, донские, донецкие и таврические степи доходит до румынских Карпат, где и стихает. Таким образом этот поток («ось Воейкова») оказывает большое влияние на значительные территории Евразии и особо значим для земледелия. В Донбассе этот постоянный ветер называют «калмык». Как правило, он приносит не только засухи, но и очень неприятные пыльные бури. А поскольку в XIX в. Россия особо интенсивно начала осваивать засушливые оренбургские и украинские степи, то чиновники и ученые-почвоведы решили защитить потенциально пригодные для земледелия земли от губительных засух с помощью мощной системы лесных насаждений. Собственно, ради решения этой проблемы и затеял тогда 23-летний воспитанник Санкт-Петербургского лесного и межевого института, Виктор Егорович фон Графф в донецкой степи первое экспериментальное лесонасаждение, более

пяти тысяч дубков, тополей, сосен и других деревьев высадив в целинную степь и создав там Великоанадольскую лесную станцию. В 1847 г. по соседству в селе Новотроицкое им же было организовано училище сельских лесников. Благодаря чему к 1860-м гг. там возникла прогрессивная школа практических специалистов лесоразведения и защиты зерновых посевов в степной зоне, сумевших поднять урожай и снизить на них воздействие засух. За эти заслуги самого В.Е. фон Граффа, Лесной департамент России пригласил в Петровскую сельскохозяйственную и лесную академию в Москву на должность заведующего кафедрой. К сожалению, там он проработал недолго и в 1867 скончался. Его дело продолжили ученики. В частности, идею природопреобразующей роли степного лесоводства подхватил Василий Васильевич Докучаев, создав при Великоанадольской лесной станции базу Степной особой экспедиции, где практически оттачивал свои идеи и знания цвет профильной отечественной науки: Н. М. Сибирцев, П. А. Земятченский, Г. Н. Высоцкий, Г. И. Танфильев, К. Д. Глинка, П. В. Отоцкий, Н. П. Адамов и др. Не случайно в 1910 г. в знак признательности в ознаменование заслуг В.Е. фон Граффа его последователями был установлен памятник и создан едва ли не единственный в Европе музей степного лесоведения его имени.

Именно в этом учебном заведении, важнейшем по степному лесонасаждению, где фактически были созданы научная идеология и технологии насаждения мощных лесополос не только степной Украины (более 400 тысяч гектаров), но и степной зоны Приволжья и Оренбуржья, оказался Григорий Кондратьевич Шаров. Училище это, хотя и не имело статуса высшего, давало не только первоклассные практические, но и должные теоретические знания, что оказалось бесценным для развития на местах передового лесоведения.

В 1898 г. в числе первых из выпускников курса Г.К. Шаров окончил Великоанадольское лесное училище и был направлен в качестве оценщика (таксатора) казенных лесов на лесоустроительные работы в Орловскую губернию с окладом в два раза большим оклада сельского учителя.

Следует отметить, что в 1894 г. с учреждением Министерства земледелия и государственных имуществ Лесной департамент вместе с Корпусом лесничих оказался в нем. Также при Министерстве был организован и Лесной специальный комитет. Департаменту поручалась всяческое содействие материальному благополучию своих подопечных, включая даже такое ныне немыслимое, как забота о воспитании дочерей класных чинов Корпуса лесничих, для чего была учреждена касса назначения соответствующих пособий. Предполагалась забота и о местных лесничих: помощникам, лесным кондукторам и лесным ревизорам за счет дохода Департамента предусматривалась прибавка до 50% от получаемых ими жалований и «столовых денег». В то же время на лесничих накладывались и строгие обязательства: они должны были составлять ежегодные хозяйственные планы мероприятий по извлечению дохода из лесовозобновления, лесовыращивания и лесоустройства. Их на местах контролировали районные лесные ревизоры, время от времени созывая для совершенствования лесной деятельности съезды лесничих.

Вскоре по окончании лесоустройства на Орловщине в 1900 г. Г.К. Шаров был командирован в распоряжение Оренбургского Казачьего войска, где в то время началось устройство казачьих лесов по образцу казенных. В хозяйственном управлении Оренбургского казачьего войска его

назначили помощником лесничего Брединского лесничества Орского уезда с окладом 48 рублей 41 копейка (вдвое выше того, что платили на Орловщине).

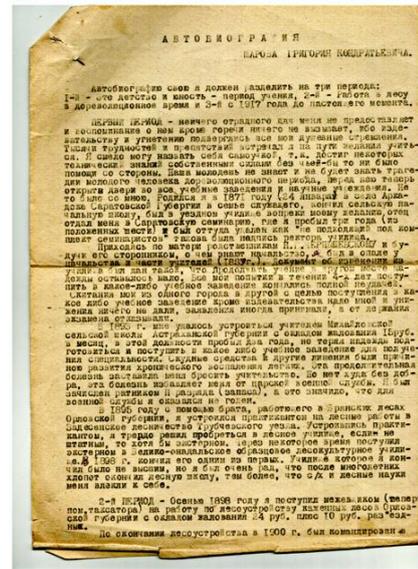
В должности помощника он проработал там до 1904 г и помимо административной работы занимался отводом лесосек, обследовал лесные массивы Брединского колкового лесохозяйства, что по площади занимало ни много ни мало 96 тысяч десятин (примерно 105 тысяч гектаров или 1,05 тысяч км²)!

В итоге Г.К. Шаровым было обследовано, заснято, описано и занумеровано более трех тысяч колков с площадями от 0,3 до 100 десятин (109 га или 1,1 км²).

Все лесничества, где проработал Г.К. Шаров с 1900 по 1931 гг. показаны на рис.4.

Рис. 3. Григорий Кондратьевич Шаров (конец 1890-х-начало 1900-х гг.) и сохраненный им реликтовый Джабык-Карагайский бор

Сосны и березовые массивы Санарского бора

Рис.4. Первый лист автобиографии Г.К. Шарова с картой мест (лесничества), где он работал в период 1900-1931 гг. Местопребывание Г.К. Шарова на землях Оренбургского Казачьего Войска (совр. территория Челябинской области) с соответствующими периодами показано овалами.

Отдельно следует рассказать о соседнем с Брединским лесничеством – Джабык-Карагайском лесничестве Верхнеуральского уезда. Туда он *в качестве заведующего был временно прикомандирован в 1904 г.*

Ныне «бесценным достоянием» этого лесничества является сохраненный им реликтовый Джабык-Карагайский бор, который включает в себя фрагменты уникальной лесной, степной и луговой растительности.

Находится Джабык-Карагайский бор в центральной части степной зоны равнинных зауральских пространств Челябинской области, вдоль шестидесятого меридиана, там, где находится зона Урало-Тобольского водораздела с соответствующим проявлением экотональных (переходных) явлений трансформации экосистем (биогеоценозов). В бору во многих местах можно встретить большие обнаженные гранитно-гнейсовые массивы и сопки с высотами до 350 м, а иногда до 450 м над уровнем моря. Зачастую территории, покрытые здесь сосновыми борами, в понижениях покрыты берёзовыми колками. В целом же площадь Джабык-Карагайского бора составляет 100-120 тысяч гектар (1-1,2 тыс. км²). Лесные массивы бора нередко прерываются каменистыми россыпями, пастбищами, а в понижениях рельефа встречаются небольшие болота с растительностью, вызывающей мысли о недавнем конце света.

Неповторимо красивое био- и ландшафтное разнообразие создает то, что восточная граница бора примыкает к окраинам Западно-Сибирской равнины, а южная – к северным окраинам Тургайской впадины. В современном административно-территориальном разграничении бор относится к территории Анненского лесхоза, в свою очередь, расположенного на землях Карталинского и Нагайбакского районов Челябинской области.

Гидрологическое значение бора состоит в том, что именно отсюда берут начало до двух десятков рек, среди которых такие значимые, как Нижний Тогузак, Караталы-Аят, Карагайля-Аят и Зингейка.

Название бора составное (состоит из двух казахских слов: *жабық* – «закрытый» и *қарагай* – «сосна») и означает «местность, закрытую или покрытую сосной».

Статус памятника природы бор с бесценными реликтовыми остатками древних лесов, которые некогда сплошь покрывали обширные территории от Южного Урала до предгорий Алтая, получил в 1969 г.

Особая ценность бора также в том, что в большом разнообразии луговых и степных трав в травяном покрове бора преобладают степные, что позволяет изучать их эволюцию включения в состав лесных видов. А сам бор в классификации боров в отличие от соседствующих с ним сухих остепненных боров относить к категории лесных массивов так называемой «ложной лесостепи».

В 1905 г. Григорий Кондратьевич временно был командирован в Санарское лесничество, где согласно его же записке, наряду с лесом располагались большие прииски золота и было сконцентрировано до 10 тысяч населения. Именно там его и застало революционное брожение 1905 г. со сходами рабочих приисков в районе так называемых «Красных чанов» в лесу Кочкарской дачи.

Ключевым элементом лесничества является Санарский сосновый бор, который ныне относится к Пластовскому району Челябинской области. Этот редкий по красоте бор поныне любят и ценят жители соседствующих городов Пла-

ста, Троицка, Южноуральска, Коркино, Магнитогорска. Занимает он более 29 тыс. га и простирается с запада на восток на 30, а с севера на юг – на 15 км. Здесь в светлом сосново-березовом лесу много плодоносящих кустарников – рябины, смородины, шиповника, вишни, а в травяном покрове – брусники, костяники, земляники. Как санаторный рекреационный объект Санарский бор интересен своими лекарственными растениями. В бору по-прежнему много могучих сосен, плакучих берез и редких лиственниц, обступающих ныне шоссе Челябинск – Магнитогорск и защищающих его от снежных заносов. В целом ныне Санарские леса выполняют большую не только экологическую (почвозащитную и водорегулирующую) роль, оберегая от иссушения окрестные поля, но и терапевтические рекреационные функции.

К сожалению, Григорию Кондратьевичу во время пребывания там было не до умиротворения, так как пришлось столкнуться с волнениями и сходами, уговаривать казаков не выступать против рабочих и крестьян. В итоге эта его дипломатическая история с участием в дебатах закончилась тем, что в августе 1906 г. его возвратили оттуда обратно в Джабык-Карагайское лесничество, но с понижением в должности, то есть уже в качестве не заведующего, а лишь помощника заведующего.

Вероятно, из всего этого для себя он сделал вывод: ни при каких обстоятельствах далее не участвовать в затеянных кем бы то ни было политических дебатах, а тем более волнениях.

Такая его позиция оказалась, судя по всему, оправданной: *в 1907-м году ему возвратили должность.* Правда, назначив все же не вполне полноправным заведующим (лесничим), а только исполняющим его обязанности в том же хозяйстве. В этой должности, согласно автобиографии, он и продолжал свою деятельность до 1918 г.

Чтобы понять уровень материального достатка дореволюционного заведующего (лесничего), укажем, что с 1906 г. Лесной департамент вошел в состав Главного управления землеустройства и земледелия, благодаря чему добился своим служащим ряда дополнительных вознаграждений (например, за тушение лесных пожаров), также им было увеличено число опытных лесничеств, созданы Лесные советы. При этом уездные лесничие теперь не только следили за выполнением Лесоохранительного закона, но и получили право регулировать на местах стоимость древесины, изменять планы рубок и т.д. Основной доход лесничеств шел от продаж леса на торгах, а поскольку лесные подати в структуре цен на круглые лесоматериалы составляли 40% и даже более, то лесничие из глубинной служилой публики в наименьшей степени были склонны вовлекаться в сложные общественные процессы того времени. В целом жизнь лесничего была весьма неплохой: *он имел тройку лошадей для местных разъездов, жил в казенном доме, причем лесничий I разряда получал в год более 1000 руб. жалованья, 200-400 руб. разъездных и 100-250 руб. на канцелярские расходы. К тому же, имел бесплатный проезд в вагоне I класса, 5 руб. в сутки командировочных (при стоимости фунта белого хлеба – 5 коп, а фунта масла – 26 коп.)* [41, с. 30]. *Следует добавить также, что с середины XIX в. при 14 классах должностей в России лесничие относились к VII, VIII классу (как коллежские асессоры и надворные советники). Соответственно, они получали пожизненное дворянство, правда, не передаваемое по наследству.*

Так, в Адрес-календаре и справочной книжке Оренбургской губернии на 1912-й год в разделе «Войсковое Хозяйственное Правление» на с.25 Г.К. Шарова можно обнаружить в качестве Джабык-Карагайского губернского секретаря, в Адрес-календарях за 1914 и 1915 годы находим его уже в статусе Джабык-Карагайского коллежского секретаря (с. 75 и с. 53-54, соответственно). Наконец, в Адрес-календаре за 1917 год он числится в Войсковом хозяйственном правлении Оренбургского казачьего войска уже не просто в статусе лесничего, а титулярного советника при Джабык-Карагайском лесничестве, проживавшего в станице Великопетровская, что в табели о рангах уже предположало его личное дворянство. Вместе с тем, как это хорошо известно из истории, чин этот считался предельным для многих служащих из разночинной среды. Отголоском этого, видимо, является и фраза из его автобиографии о том, что дескать «попытки (его) выбраться из такой глуши, которую представляло собой Джабык-Карагайское лесничество в более оживленные лесничества, такие, как Троицкое, Кочкарское и другие, (до революции) не увенчались успехом, во-первых, потому, что (он) не имел высшего образования, а во-вторых, не пользовался (должным по его реальным заслугам) вниманием своего начальства».

Более же наглядно о реальном положении дела свидетельствуют фотографии из семейном архива Г.К. Шарова того периода (рис. 5-6).

Рис.5. Григорий Кондратьевич Шаров и дом, в котором он жил с семейством в 1917 г. в станице Великопетровской (ныне Карталинский район Челябинской области)

Рис.6. Г.К.Шаров со своими сотрудниками и членами семьи (сидит во втором ряду первый слева; третья слева сидит его супруга Нина Александровна)

Тем не менее, продолжительное заведование Джабык-Карагайским лесничеством Г.К. Шаров использовал и для

общества, и для себя с большой пользой, приведя в образцовое состояние лесные массивы и значительно продвинув свои познания в лесохозяйственном и лесокультурном деле.

Когда наступила Советская власть, сохраненные им дровостой пришлось очень кстати для строительства запланированного по соседству Магнитогорского металлургического завода. Насколько искренне (с гордостью или с горечью?) он воспринимал это, отмечая в своей автобиографии 1938 г., сказать трудно, но, безусловно, это весомый аргумент в пользу значимости его деятельности для общественного блага.

О станице (ныне селе) Великопетровской известно следующее. Она находится на северной окраине Джабык-Карагайского бора, который, как указывалось выше, ныне считается памятником природы. Административно это село считается центром Великопетровского сельского поселения Карталинского района Челябинской области. Ландшафт в окрестности села типичен для Урало-Тобольского междуречья: холмистой с ближайшими высотами от 300 до 400 м. Наивысшей из них является гора Палаты высотой в 427 метров в 5 км к юго-западу села.

Незадолго до появления в Великопетровском Г.К. Шарова в станице ежегодно проводилась одна из самых крупных в Верхнеуральском уезде Великопетровская ярмарка. Местные жители села до революции занимались смолокурением, выжиганием угля, столярным ремеслом и дегтярным производством, но главное, что делали в станице Великопетровской, – деревянные срубы на продажу. Доходы от торговли ими составляли до семи тысяч рублей в год. Частично занимались и золотодобычей, поскольку неподалеку от реки Ольховки находились золотые прииски. Большая же часть населения занималась земледелием и скотоводством.

В ведомстве Оренбургского Казачьего Войска станица Великопетровская имела статус юрта – места сбора окрестных казаков по призыву. В восковой иерархии казаки относились к Верхнеуральску.

После революции во исполнение решения Всероссийского съезда лесоводов и лесных техников лесоводам на местах было рекомендовано вступить в сотрудничество с представителями нового правительства и продолжать отстаивать лес, насколько это возможно: «вести себя, как капитан на корабле!» Эта позиция лесоводов была должным образом воспринята Лениным, который, понимая, что заменить их как специалистов некем, дал распоряжение Советам рабочих, крестьянских и солдатских депутатов не препятствовать выполнению лесниками своих функций, особенно по zaseву оголенных войною мест лесом и т.п.

Так, в мае 1918 г. Советской властью, а именно Троицким Земельным Отделом Григорий Кондратьевич Шаров, наконец-то, был назначен не исполняющим обязанности, а полноправным лесничим Кочкарского лесничества, расположенного в нынешнем Пластовском районе.

В 1919 г. вскоре после разгрома и отступления белых Шаров был вызван в Троицк для организации лесного отдела и там, но рабочие приисков в подобной организации из-за разрухи и решения личных топливных проблем заинтересованы не были. И он возвратился к заведыванию Кочкарским лесным хозяйством. А поскольку в соседних хозяйствах специалистов практически не осталось, то на него было возложено руководство Санарским, Черноборским и Карагайским лесничествами.

Рис.7. Лесной Совет, 1918 г.
(Г.К.Шаров – в первом ряду второй справа).

Что же касается станицы Великопетровской, то и в 1919-м, и в 1920 г. она не раз становилась объектом налета отрядов «зеленых». Можно предположить, насколько беспокойной в тот период была жизнь Григория Кондратьевича, являвшегося кладзем лесных и не только лесных знаний об округе.

Особенно ожесточенные бои в окрестностях станицы развернулись летом 1919 г. Лишь к концу года позиция центрального сельсовета там стабилизировалась. Тем не менее, даже после гибели в том году атамана станицы борьба с Советской властью в ней продолжалась до ноября 1920 г.

В целом же, для понимания перспектив (стоило ли туда возвращаться?), отметим, что село, названное по церкви во имя Святых апостолов Петра и Павла и ныне отстоящее в 27 км от районного центра Карталы и примерно в стольких же – от челябинского Парижа, развития так и не получило. Даже несмотря на то, что вокруг много привлекательных на слух наименований: и Варна, и Париж, и Фершампенуаз, и знаменитая ныне на весь мир «Страна городов» – прародина древних ариев (Аркаим). Как это ни парадоксально, но окончательно перспективы села, помимо репрессий казачества и высылки в Сибирь, подорвало обнаружение в районе Великопетровской станицы месторождений золота, угля, хромита и мрамора. Протянутая из Троицка железная дорога прошла не через Великопетровскую, а через Карталы, куда сместился и центр экономической жизни, ярмарка, райцентр.

Тогда же, понимая пагубность для местных лесов хронического отсутствия должных кадров (значительная часть специалистов не вернулись к прежнему месту работы, другие были отстранены от должностей), Григорий Кондратьевич Шаров принял предложение начать подготовку лесных техников из местной молодежи. Так, в 1921-1922 гг. он подготовил двоих молодых людей, которые после успешно прошли экзаменационные испытания в Курганской Лесной школе и заняли свои места в лесничествах, испытывавших хронический кадровый «голод».

В 1924 г. аналогичные курсы повышения квалификации Шаров провел также для лесников и объездчиков всего округа, состоявшего из 9 лесничеств. Благодаря этому проблема в округе с кадрами фактически была решена.

В контексте совершенствования лесной политики в 1923 г. вместо «Основного закона о лесах» 1918 г. был введен в действие «Лесной кодекс РСФСР», по которому лесной фонд страны делился на леса государственного и местного значения. Но, если на обращение лесных земель государственного фонда

в другой вид угодий накладывались существенные ограничения, то для лесов местного значения хозяйствование существенно упрощалось. Особую тревогу вызывало это в связи с узакониванием концессионного пользования лесами иностранными фирмами. Впрочем, высокая стоимость железнодорожных вагонов и высокие таможенные тарифы свели к 1928 г. деятельность концессионеров к нулю.

Ведение хозяйства и управление лесами, возлагаемое на лесничих, предполагалось на больших площадях. Видимо, в этой связи лесничих с помощниками и инспекторами дополнительно решили вооружить огнестрельным оружием и наделить их несвойственными функциями милиции в отношении самовольных рубщиков леса. К тому же дополнительно их обязали вести просветительно-культурную работу с населением, в частности, организовывать «День леса». В то же время зарплата лесничих в сравнении с 1913 г. стала ниже.

В 1924 г. был разработан первый перспективный план развития лесного хозяйства страны на 1925-1928 гг. Но средств для этого не выделено.

Именно при таких обстоятельствах в сентябре 1925 г. Г.К. Шарова пригласили в Троицк в лесной отдел на должность инспектора лесов Троицкого округа, куда входило 8 лесничеств (рис.8).

Рис.8. Г.К. Шаров с коллегами в Троицке
(во втором ряду третий справа).

Актуальность назначения состояла в том, что при отходе «белых» все лесоустроительные документы (отчеты, планы и планшеты) были вывезены. Таким образом, леса перешли в разряд неустроенных. Оставалось лишь одно – приступить к новому лесоустройству. Именно это и было поручено Григорию Кондратьевичу. Соответственно, в 1926 и 1927 гг. шестью таксационными группами эта работа под его руководством была выполнена, а лесное хозяйство, оставшееся без описаний, было приведено к надлежащему виду.

В 1928 г. в Троицке Г.К. Шаров с большим удовлетворением отметил свой 30-летний юбилей «служения лесному хозяйству».

В 1929 г. стала создаваться номенклатурная опора сталинизма, лесничества были объединены в лесхозы, располагавшиеся в районных населенных пунктах, а директора лесхозов стали проводниками советских директив, заседа в райисполкомах и в райкомах ВКП(б).

В этой связи должности инспекторов по лесным округам в 1929 г. были ликвидированы, и Григорий Кондратьевич при

том же Троицком округе был переведен на должность специалиста лесного хозяйства.

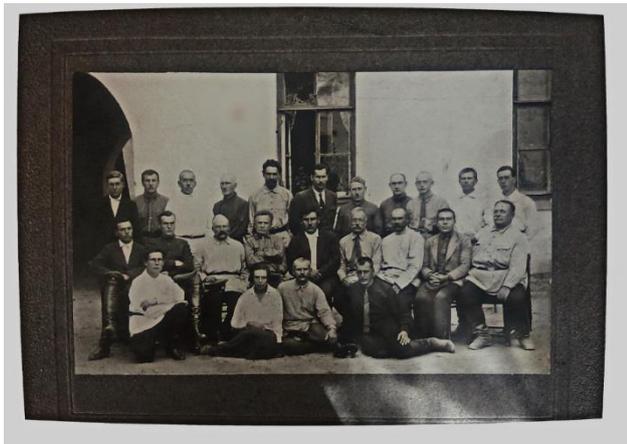

Рис.9. Г.К. Шаров на съезде лесничих, 27–30 августа 1927 г. в Троицком Окружном Земельном управлении (во втором ряду четвертый слева).

В 1930-1931-м гг. он принимал также участие в качестве уполномоченного в Карагайском леспромхозе в лесозаготовках.

Понимая на этом этапе важность сохранения прежнего опыта, в Троицке при Доме Крестьянина он организовал Лесной музей, куда стали свозить экспонаты с территории всего Троицкого округа.

Безусловно, это его деяние было следованием положительному примеру Великоанадольского музея леса по консервации прошлого опыта и знаний для просвещения и воспитания будущих лесоведов.

В 1931 г. Григорий Кондратьевич Шаров завершил свою работу в Троицком леспромхозе, поскольку получил приглашение с 1 января 1932 г. продолжить свою деятельность в качестве организатора Управления городскими лесами при Свердловском городском совете в должности технического руководителя. На этой должности «техрука» он и оставался до самой своей кончины. Всего он отдал служению лесному делу 45 лет своей жизни. В течение 40 из них, как он отмечал в автобиографии [Шаров, 1938], «у меня был 1 месяц перерыва в работе – это когда я переезжал из г. Троицк в город Свердловск».

В этой связи следует отметить, что до появления Григория Кондратьевича Шарова в Екатеринбурге (Свердловске) озеленение города и создание общественного парково-садового хозяйства носило спорадический характер. Начало культурно-парковым насаждениям в городе, как известно, было положено в начале XIX в. созданием одного из самых замечательных парков Екатеринбурга – Харитоновского сада (в настоящее время больше известного, как парк Дворца пионеров или с учетом последнего переименования – Городского Дворца творчества детей и молодежи). Возник он как «английский сад» вместе с комплексом Расторгуевско-Харитоновского дворца в 1814 г., а в 1826 после лишения на него прав хозяев за систематическую неуплату земельного налога перешел в общественное пользование. Таким образом, этот парк, впоследствии описанный Дмитрием Наркиновичем Маминым-Сибиряком в «Приваловских миллионах», и стал первым в городе общественным садом и местом зарождающейся городской флористики. В то же время пре-

цедент отъема парка у частных владельцев на основе налогового механизма надолго отбил стремление у частных заниматься в городе парковыми делами. Так, что масштабное общественное паркоустройство стало действительно возможно только уже после революции 1917 г. и Гражданской войны.

Так, в первой половине 1920-х гг. озеленяется проспект Ленина (бывший Покровский бульвар) и плотина городского пруда. В 1926 году на бывшей Малаховской площади закладывается парк имени Энгельса (за нынешней Филармонией). В 1928 г. создается сквер у «Пассажа». Но это были лишь пробные шаги. *Системные действия начались лишь с появлением в Свердловском городском Совете во главе Управления городскими лесами Григория Кондратьевича Шарова.*

Именно он с дочерью, Марией Григорьевной Шаровой (7.01.1905 – 01.08.1985 гг.), внесли в дело озеленения Свердловска (Екатеринбурга) наиболее существенный вклад.

Так, согласно [Шевелина, 2008], «впервые вокруг Екатеринбурга зеленая зона была выделена в 1932 году на площади 50,8 тысяч гектаров. Выделенная лесопарковая зона составляла 19,7 тысяч гектаров в составе 50 кварталов. В период первой и второй пятилетки при участии Григория Кондратьевича Шарова высаживаются клены на улице Пушкинской, закладывается сквер у здания бывшего Обкома партии, у Оперного театра, у стадиона «Динамо». На месте бывшего хлебного рынка появляется дендрарий, озеленяется соцгород Уралмаша. Всего за период с 1932 по 1941 год в городе было создано более ста зеленых массивов общей площадью около 400 гектаров. Позднее (1940-1941 гг.), согласно вышеуказанному источнику, был выполнен авторский надзор и ревизия лесоустройства с детальным обследованием выделов и проектированием разнообразных хозяйственных мероприятий».

Рис. 10. Г.К. Шаров (сидит во втором ряду четвертый слева) с группой коллег в Свердловске (1930-е гг.).

По устным воспоминаниям внучки Григория Кондратьевича Вероники Петровны Братчиковой для озеленения города деревья (липки, тополя и клены) частично брались из Основинского питомника, располагавшегося в Пионерском поселке, а частично из питомника, расположенного возле озера Песчаное. «Экологичность мышления» Григория Кондратьевича при этом проявлялась не только в том, что он озеленял город, но и в том, что автомобилю по дореволюционной традиции он предпочитал легкий кабриолет, на котором практически ежедневно совершал разезды от своей квартиры на ул. Толмачева, 34. Именно благодаря Григорию Кондратьевичу возле Дворца пионеров в качестве де-

коративной изгороди был использован карагач, а возле нынешней губернаторской резиденции на «Плотинке» посажены лиственницы, растущие там и поныне. Примечательно, в этом аспекте подчеркнуть, что при выборе древостоев им использовались породы высокого сопротивления, приспособленные для условий жизни в самых суровых порубежных переходных природных зонах на экотонах, как с предельно иссушенной средой (карагач и клены), так и с предельно влажной и нарушенной, например, гарями и вырубками, самой приспособленной и для умеренных и для холодных (субарктических и субальпийских) областей породы в мире – лиственницы⁹. Все это, если угодно, – породы Сопротивления. Так, возможно, на языке любимого им леса он выразил и свое отношение к социальным переменам, иссушающим полноцвелье жизни.

Умер Григорий Кондратьевич зимой 1943 года. Похоронен в Екатеринбурге на Михайловском кладбище.

«Живым памятником» его дочери, Марии Григорьевне Шаровой и сегодня являются озелененные ею улицы и скверы соцгородка Уралмаша. Позднее Мария Григорьевна жила и работала в Москве, где, благодаря ее трудам, возник парк при Северном речном вокзале. Как дама она была склонна к сиреням и благородным лесным «аристократкам» – голубым елям. В этой связи по устным преданиям ей пришлось выполнять и деликатные «тайные задания» – выращивать голубые ели для украшения ими Красной площади – и в случае необходимости (порчи или потери должного вида) заменять новыми.

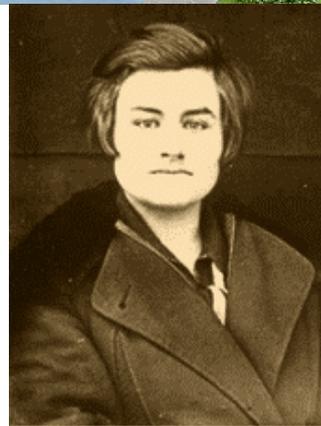

Рис.11. Мария Григорьевна Шарова и созданные ею Уралмашевский парк (1933) и парк Северного речного вокзала (Москва, 1936-1938 гг.), ныне памятник садово-паркового искусства советского периода.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Несмотря на то, что Григорий Кондратьевич Шаров не был теоретиком лесоведения и не оставил после себя научных работ, вся его практическая деятельность и наследие оказались ярким свидетельством лучших традиций отечественной лесоведческой школы, предвосхищения целого ряда тенденций как в трансформации самой лесохозяйственной парадигмы, так и в практике лесоразведения, формировании «зеленого» мировоззрения.

⁹ Лиственница отличное дерево для обогащения воздуха отрицательными легкими ионами, что особенно важно для городов, где в сравнении с воздухом леса, насыщенным полезными для здоровья аэроионами (2000-3000 на 1 см³) концентрация последних существенно снижается: от 800 на 1 см³ в городском парке, до 200-400 в промышленном районе и 25-100 закрытом многолюдном помещении.

Достаточно сказать, что тонкое понимание им всей сложности и хрупкости биогеоэкологических связей леса с почвенным и травяным покровом, локальной фауной, водной и воздушной средой еще до формирования фундаментальных представлений о биогеоэкологии и его функционировании В.Н. Сукачевым (кстати, создаваемых в том же Свердловске в 1942-1943 гг.¹⁰) позволило Г.К. Шарову понять и вычленил в лесу особо значимые и ценные саморегулируемые «ядра», работающие как целостный взаимосвязанный природный организм, например, тот же реликтовый Джабык-Карагайский бор, понять ценность, уникальные свойства и качества таких уникальных и высокогармонизированных геосистем для оздоровительных и рекреационных целей. Наконец, осознать, что никакие административные ухищрения и лесные своды законов не способны уберечь лес от человека, соответственно, единственной эффективной лесозащитной стратегией является не уберечь лес от человека, а наступление его на человека через научно выверенное культурное обустройство лесопарков в городах и пригородах, урбанизированных средах-рекреационных зонах. Как в свое время, в 1920-е гг., Уральское общество любителей естествознания пришло к пониманию, что в эпоху крутых перемен продуктивно не столько раздражение

новой власти прорывными идеями, сколько сохранение предшествующего наследия, так и Григорий Кондратьевич понял, что в такие эпохи важнее сохранять даже не столько сами деревья и семена, сколько семена лесоведческого опыта и знания. Именно поэтому он и попытался создать Музей леса, что для Екатеринбурга и России в целом, накрепко связанных с лесом, всегда было и будет актуально.

С учетом огромных сохранных и приведенных в образцовое состояние лесных массивов в проблемной лесостепной зоне со сложными экотональными явлениями, лесоразведения, позволившего решить такие крупные хозяйственные проблемы, как строительство флагамена Первой пятилетки – Магнитки, озеленения и создания зон рекреации в Свердловске практического развития лесоведения вклад Григория Кондратьевича Шарова бесценен. В научном плане его практическая деятельность закрыла пробелы в развитии лесокультурного дела в экотональной зоне лесостепи, органично дополнила методические приемы олеснения аридной зоны А.П. Тольского (1874-1942), в частности, практику разведения им пород сосны в Бузулукском боре. органически вписалась в формирование представлений о лесе как о биоэкологическом, естественно-историческом и географическом явлении в духе идей Г.Ф. Морозова (1867-1920).

ЛИТЕРАТУРА:

1. Арнольд Ф. К. Русский лес. СПб.: 1890. Изд-е А.Ф. Маркса. 311 с.
2. Болотов А. Т. Избранные сочинения по агрономии, плодоводству, лесоводству, ботанике. М.: Изд-во Моск. о-ва испытателей природы, 1952. 524 с.
3. Воейков А. И. Климаты земного шара, в особенности России. СПб.: Картогр. заведение А. Ильина, 1884. 672 с.
4. Воейков А. И. О влиянии растительности на количество выпадающих осадков (дождя и снега). СПб: Тип. В. Демакова, 1888. 13 с.
5. Воейков А. И. Распределение населения Земли в зависимости от природных условий и деятельности человека. СПб: Типография М. Стасюлевича, 1906. 134 с.
6. Генко Н. К. Об облесении южнорусских степей // Лесной журнал. 1886. № 3. С. 1-59.
7. Генко Н. К. Разведение леса и устройство водосборных плотин на удельных степях. СПб.: Тип. Гл. упр. уделов, 1896. 95 с.
8. Генин В. Уральская переписка с Петром I и Екатериной I. Екатеринбург: Банк культурной информации, 1995. 468 с.
9. Гумилев Л. Н. География этноса в исторический период. Л.: Наука, 1990. 280 с.
10. Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера Земли. М.: Рольф, 2003. 560 с.

REFERENCES:

1. Arnold F. K. Russian forest. St. Petersburg.: 1890. Ed. by A. F. Marx. 311 p.
2. Bolotov A. T. Selected works on agronomy, fruit growing, forestry, botany. Moscow: Publishing house of Moscow. o-va of nature testers, 1952. 524 p.
3. Voeykov A. I. Climates of the globe, especially in Russia. St. Petersburg: Kartogr. the institution of A. Ilyin, 1884. 672 p.
4. Voeykov A. I. On the influence of vegetation on the amount of precipitation (rain and snow). St. Petersburg: V. Demakov Type, 1888. 13 p.
5. Voeykov A. I. Distribution of the Earth's population depending on natural conditions and human activity. St. Petersburg: Printing house of M. Stasyulevich, 1906. 134 p.
6. Genko N. K. On afforestation of the Southern Russian steppes // Lesnoy zhurnal. 1886. No. 3. pp. 1-59.
7. Genko N. K. Forest cultivation and the device of drainage dams on specific steppes. SPb.: Tip. Gl. upr. udelov, 1896. 95 p.
8. Gennin V. Ural correspondence with Peter I and Catherine I. Yekaterinburg: Bank of Cultural Information, 1995. 468 p.
9. Gumilev L. N. Geography of the ethnos in the historical period. L.: Nauka, 1990. 280 p.
10. Gumilev L. N. Ethnogenesis and the biosphere of the Earth. Moscow: Rolf, 2003. 560 p.

¹⁰ Владимир Николаевич Сукачев, будучи учеником Г.Ф. Морозова, апробировавшего, как указывалось выше, в свое время на базе Великоанодольского леса свои идеи и сформировавшего представления о биоэкологии к концу своей деятельности, в свою очередь развил из него представления о биоэкологии (см.: Сукачев В. Н. Идея развития в фитоэкологии // Сов. ботаника. 1942. № 1-3. С. 5-17; Сукачев В. Н. О принципах генетической классификации в биоэкологии // Журн. общ. биологии. 1944. Т. 5, № 4. С. 213-227; Сукачев В. Н. Биоэкология и фитоэкология // Докл. АН СССР. 1945. Т. 47, № 6. С. 447-449; Сукачев В. Н. О соотношении понятий «географический ландшафт» и «биоэкология» // Вопросы географии. М.: Географгиз, 1949. Вып. 16. С. 45-60; Сукачев В.Н. Лесная биоэкология как теоретическая основа лесоводства и лесного хозяйства / В.Н. Сукачев // Вопросы лесоведения и лесоводства: докл. на V Всемир. лесн. конгрессе. – М., 1960. – С. 31-40; Сукачев В. Н. Биоэкология как выражение взаимодействия живой и неживой природы на поверхности Земли: соотношение понятий «биоэкология», «экосистема», «географический ландшафт» и «фацция» // Основы лесной биоэкологии / под ред. В. Н. Сукачева, Н. В. Дылиса. М.: Наука, 1964. С. 5-49).

11. Докучаев В. В. К учению о зонах природы: Горизонтальные и вертикальные почвенные зоны. СПб.: Тип. СПб. градоначальства, 1899. 28 с.
12. Докучаев В.В. Русский чернозем: Отчет Императорскому Вольному экон. о-ву. СПб: Имп. Вольное экон. общ-во, 1883. 376 с.
13. Каразин, В. Н. Сочинения, письма и бумаги В. Н. Каразина, собранные и отредактированные проф. Д. И. Багалеем. Харьков.: Тип. Харьковского ун-та, 1910. XIX, 927 с.
14. Лаксман К.Г. Наилучший способ сеять древесные семена для произрастания лесов в сибирских степях // Тр. Вольн. Эконом. Общества. 1769. Ч. 12. С. 67-84.
15. Ломиковский В.Я. Разведение леса в селце Трудолюб. СПб. 1837. 71 с.
16. Метеорологическое обозрение России, издаваемое Главным управлением Корпуса горных инженеров под руководством А.Купфера. – СПб., 1850-1865.
17. Нартов А.А. О посеве леса // Тр. Вольн. Эконом. Общества. 1765. Ч. 1. С. 28 – 35.
18. Посошков И.Т. Книга о скудности и богатстве. М.: Соцгиз, 1937. 352 с.
19. Рыкачев М.А. Исторический очерк Главной физической обсерватории за 50 лет ее деятельности. 1849-1899. Ч. I. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1899. 414 с.
20. Рычков П. И. О сбережении и размножении лесов // Тр. Вольн. Эконом. общ. 1767. Ч. 6. С. 84-112.
21. Рычков П. И. О способе к умножению земледелия в Оренбургской губернии // Тр. Вольн. Эконом. общ. 1767. Ч. 7. С. 1-25.
22. Сукачев В.Н. Георгий Федорович Морозов // Лесное хозяйство. 1949. № 4. С. 86-90.
23. Сукачев В. Н. Избранные труды в 3-х т. / под ред. Е. М. Лавренко. – Л.: Наука. Т. 1: Основы лесной типологии и биогеоценологии. 1972. 419 с.
24. Татищев В.Н. Избранные труды по географии России. М.: Изд-во географ. лит-ры., 1950. 250 с.
25. Тихонов А. С. История лесного дела. М.: ИНФРА-М, 2017. 357 с.
26. Чернов Н.Н. Горнозаводское лесное хозяйство на Урале. Екатеринбург: Урал. гос. лесотехн. акад. 1997. 95 с.
27. Чернов Н.Н. Творческое наследие уральских лесоводов XIX – начала XX вв. – Екатеринбург: Урал. гос. лесотехн. акад., 2001, 579 с.
28. Чернов Н.Н. Первопроходцы уральской лесной науки. Екатеринбург: Урал. гос. лесотехн. ун-т, 2003, 45 с.
29. Шаров Г.К. Автобиография. 1938. Екатеринбург. Архив наследников Г.К.Шарова.
30. Швеллина И.В., Коростелев И.Ф., Нагимов З.Я. История образования и устройства лесопарков Екатеринбурга //Лесной вестник. 2008. №3. С.107-110
11. Dokuchaev V. V. On the doctrine of nature zones: Horizontal and vertical soil zones. St. Petersburg: Tip. SPb. city administration, 1899. 28 p.
12. Dokuchaev V. V. Russian chernozem: Report to the Imperial Free Economy. oh-woo. Saint Petersburg: Imp. Free econ. general, 1883. 376 p.
13. Karazin, V. N. The writings, letters and papers of V. N. Karazin, collected and edited by Prof. D. I. Bagaley. Kharkiv.: Type. Kharkiv University, 1910. XIX, 927 p.
14. Laxman K. G. The best way to sow tree seeds for the growth of forests in the Siberian steppes // Tr. Voln. Economy. Society. 1769. Ch. 12. pp. 67-84.
15. Lomikovskiy V. Ya. Forest cultivation in the village of Trudolyub. St. Petersburg, 1837. 71 p.
16. Meteorological Review of Russia, published by the Main Directorate of the Corps of Mining Engineers under the leadership of A. Kupfer. - St. Petersburg, 1850-1865.
17. Nartov A. A. About forest sowing // Tr. Voln. Economy. Society. 1765. Ch. 1. p. 28-35. 18
18. Pososhkov I. T. The book about poverty and wealth. Moscow: Sotsekgiz, 1937. 352 p.
19. Rykachev M. A. Historical sketch of the Main Physical Observatory for 50 years of its activity. 1849-1899. Part I. St. Petersburg: Printing House of the Imperial Academy of Sciences, 1899. 414 p.
20. Rychkov P. I. On the conservation and reproduction of forests // Tr. Voln. Economy. total. 1767. Part 6. pp. 84-112.
21. Rychkov P. I. On methods for multiplying agriculture in the Orenburg province // Tr. Voln. Economy. total. 1767. Ch. 7. p. 1-25.
22. Sukachev V. N. Georgy Fedorovich Morozov // Forestry. 1949. No. 4. pp. 86-90.
23. Sukachev V. N. Selected works in 3 volumes / edited by E. M. Lavrenko. - L.: Nauka. Vol. 1: Fundamentals of forest typology and biogeocenology. 1972. 419 p.
24. Tatischev V. N. Selected works on the geography of Russia. Moscow: Geographer publishing house. lit., 1950. 250 p.
25. Tikhonov A. S. History of forestry. Moscow: INFRA-M, 2017. 357 p.
26. Chernov N. N. Gornozavodskoe forestry in the Urals. Yekaterinburg: Ural. gos. lesotekhn. akad. 1997. 95 p.
27. Chernov N. N. The creative heritage of the Ural foresters of the XIX-early XX centuries-Yekaterinburg: Ural State Forestry Engineering. akad., 2001, 579 p.
28. Chernov N. N. Pioneers of the Ural forest science. Yekaterinburg: Ural. gos. lesotekhn. un-t, 2003, 45 p.
29. Sharov G. K. Autobiography. 1938. Ekaterinburg. Archive of the heirs of G. K. Sharov.
30. Shevelina I. V., Korostelev I. F., Nagimov Z. Ya. History of the formation and arrangement of forest parks in Yekaterinburg //Forest Messenger. 2008. No. 3. pp. 107-110

Статья проверена программой «Антиплагиат». Оригинальность – 82%.

Рецензент: В.А. Усольцев, доктор с.-х. наук, профессор кафедры лесоводства Уральского государственного лесотехнического университета.

Статья поступила в редакцию 02.03.2021, принята к публикации 22.03.2021

The article was received on 02.03.2021, accepted for publication 22.03.2021

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Литовский Владимир Васильевич, доктор географических наук, заведующий сектором размещения производительных сил и территориального планирования Института экономики УрО РАН, Екатеринбург, Российская Федерация, РИНЦ ID: 114818; Web of Science: G-4916-2017, <http://orcid.org/0000-0002-4241-7846>, e-mail: VLitovskiy1@yandex.ru

ABOUT THE AUTHOR

Vladimir V. Litovskiy, Dr. Sci. (Geog.), Head of the Productive Force and Territorial Planning Sector at the Institute of Economics of the Ural Branch Russian of the Russian Academy of Sciences, Yekaterinburg, Russian Federation, РИНЦ ID: 114818; Web of Science: G-4916-2017, <http://orcid.org/0000-0002-4241-7846>, e-mail: VLitovskiy1@yandex.ru